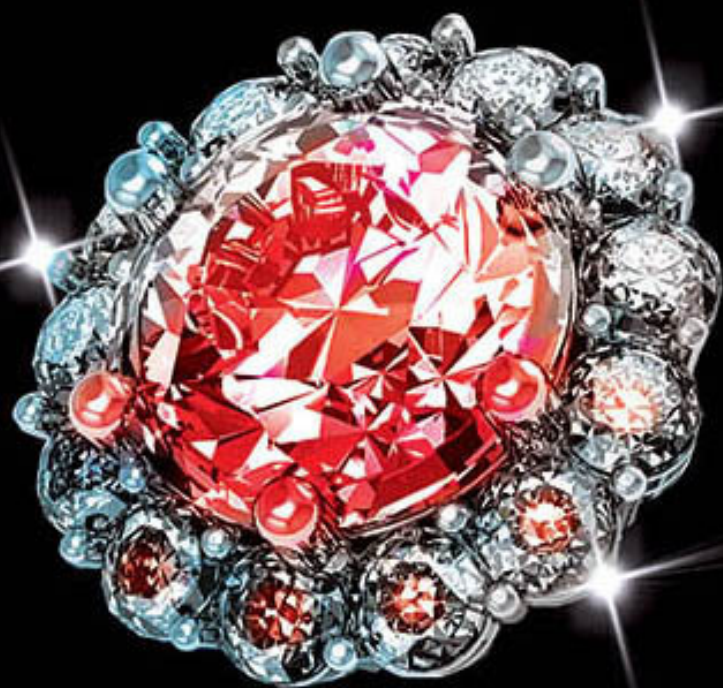

Лучшие детективы о драгоценностях

**ПРЕСТУПНЫЕ
КАМНИ**

**КОВАРНЫЕ
ДРАГОЦЕННОСТИ**

**ТАТЬЯНА УСТИНОВА
АННА и СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ
ОЛЬГА ВОЛОДАРСКАЯ
и другие**

Преступные камни. Лучшие детективы о драгоценностях

Татьяна Устинова

Коварные драгоценности

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Коварные драгоценности / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2019 — (Преступные камни. Лучшие детективы о драгоценностях)

ISBN 978-5-04-175484-6

Блеск драгоценных камней на протяжении веков очаровывает и застигает глаза. Их сила притяжения так велика, что люди порой не останавливаются ни перед чем, стремясь завладеть ими. Тогда это приводит к преступлениям, о которых рассказывают лучшие остросюжетные рассказы из сборника «Коварные драгоценности». В него вошли рассказы самых известных авторов отечественной остросюжетной литературы – Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Ольги Володарской – и других известных писателей. В сборник входят ранее опубликованные произведения.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175484-6

© Устинова Т. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Анна и Сергей Литвиновы. Запретная страсть	6
Ольга Володарская. К гадалке не ходи	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сборник Коварные драгоценности

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Анна и Сергей Литвиновы. Запретная страсть

– Козочка, пора вставать. – Он пощекотал ей ухо.

Инночка перевернулась на спину и открыла глаза.

Андрей уже был одет, и легкая ослепительно-белая сорочка подчеркивала его мускулистый торс.

– Принеси мне кофе в постель, – капризничая, сказала Инночка.

– Через сорок минут у меня совещание с начальниками управлений, – игнорируя ее слова, сообщил Андрей. – Мне еще надо побриться.

– Возьми нож на кухне.

Андрей не принадлежал ей по утрам. И не принадлежал днем. И по воскресеньям. Только по вечерам три раза в неделю. Тогда он выполнял любое ее желание. И еще – по ночам. Тогда он догадывался о каждом ее желании.

Три раза в неделю. Совсем немало.

Андрей завязывал перед зеркалом галстук – точным и широким движением. Инночка сбросила простыню и лежала вся обнаженная. Ей хотелось, чтобы он послал к чертовой бабушке совещание и набросился на нее, но она знала, что этому не бывать.

– Можешь опоздать на часок, – приказал Андрей. – Придешь, отошлешь факсы и переведешь полученные. В час – деловой обед с ребятами из «Стандарт ойл». Будешь переводить.

– Куда ж ты небритый. – Инночка подошла и обхватила его руками сзади.

В зеркале они смотрелись совсем неплохо. Его мужественное лицо, оттененное белой сорочкой и красным галстуком в полоску. Ее глубокие глаза, ямочки на щеках и струящиеся черные локоны.

– Я побежал. – Он небрежно чмокнул ее в губки, пошлепал по попке и по-хозяйски открыл дверь. – Побреюсь в машине. Бутерброды для тебя на столе.

Инночка вздохнула. По-прежнему нагая, она прошла в спальню. Присела перед зеркалом. Открыла футлярчик, что вчера подарил Андрей. Достала серьги. В золотых цветках горело по бриллианту. Примерила. Бриллианты шли ей. А кому они, спрашивается, не идут?

Надену их сегодня. Плевать на всех.

Три раза в неделю, вздохнула она. словно посещение бассейна. Или корта. «Инна: понедельник, среда, пятница» – так, наверно, записано у него в ежедневнике. У него есть жена. Он никогда ничего не говорил о ней.

Он запал на нее сразу, когда она пришла наниматься в фирму.

Через неделю он пригласил ее в ресторан. Между столиками бродил певец с гитарой и пел щемящие французские песни. Андрей дал ему двадцать долларов, и тот спел для Инны «Елисейские Поля». Вечер закончился в ее постели. Он оказался умелым любовником.

Вскоре они провели две недели на выставке в Париже. По утрам пили кофе в широченной кровати. Однажды она со смехом сказала ему: «Я стала тебе как жена». Со щемящим сердцем ждала ответа. Он помрачнел и отрубил: «Жена у меня одна».

* * *

В 16.40 в приемной, где Инна была полновластной хозяйкой, раздался телефонный звонок.

– Добрый день, фирма «Нефтепродукт», – заученно ответила Инна.

– Здравствуйте, это жена Андрея Ильича.

Пауза. Инна лихорадочно пыталась овладеть собой. Жена Андрея звонила в офис впервые.

– Его сейчас нет на месте, – сказала Инна предательски дрогнувшим голосом. – Что-то передать?

– А он мне не нужен, – со смешком произнесла жена. – Мне нужны вы.

– Простите?

– Да-да, Инночка, вы. Я жду вас у себя. Дома.

– Но...

– Андрея Ильича до конца дня не будет. Так что оставьте свой секретариат на девочек и приезжайте. Записывайте адрес...

Голос жены звучал магнетически. Инна на секунду лишилась своей воли, словно кролик перед удавом.

Не спеша подкрасила перед зеркалом губы. Подумала, не снять ли серьги, подаренные вчера Андреем, но потом решила – пусть остаются. Тогда, если быть последовательной, и костюм, купленный им для нее в Париже, придется снимать. «В чем я тогда поеду? В туфельках и трусиках?»

Андрей жил в «сталинском» доме на Кутузовском. Когда-то здесь рядом были прописаны Брежнев и Черненко.

Инна поднялась на второй этаж. На лестничной площадке была одна квартира. Она позвонила. На нее уставился «глазок» видеокамеры. Дверь автоматически растворилась. Инна вошла в прихожую.

– Проходите сюда, – раздался откуда-то из глубины квартиры тот же магнетический женский голос.

Внутренне сжавшись, Инна вошла в огромную гостиную. В ней царил полумрак. На стенах висели картины в золоченых рамах. На журнальном столике дымился свежесваренный кофе.

А у столика сидела женщина в инвалидной коляске с замотанными пледом ногами.

Поверх пледа лежал револьвер.

– Я – Нина Дмитриевна. Садитесь. Я, как видите, не могу встать вам навстречу.

Женщина была немолода, но красива черной цыганской красотой. Глубокие, неземные, притягивающие глаза. Они испытующе смотрели на Инну.

Инна, как замороженная, села.

– Что ж, Андрей Ильич сделал неплохой выбор, – после паузы сказала жена. – Только не надо мне возражать. Я все знаю...

– И что дальше? – спросила хриплым от волнения голосом Инна. Свою сумочку она поставила на колени. Открыла ее, запустила туда руку и мяла там, рвала, скручивала свой платок.

– Дальше... – задумчиво проговорила Нина Дмитриевна.

Повисла пауза.

– Вы в русскую рулетку когда-нибудь играли? – вдруг спросила Нина Дмитриевна.

– Что? – пересохшими губами переспросила Инна.

– Ну, раз не играли, так слышали. Правила просты. Берут револьвер. В револьвере – один патрон. Игроки крутят его по очереди и стреляют каждый себе в висок. Кто убит, тот и проиграл... Что это вы побледнели? Страшно?

– Душно у вас... – пробормотала Инна.

– Да. Душно... Ну, а я вместо револьвера предлагаю использовать кофе. С цианистым калием. Мы же с вами не гусары... Для женщин цианид как-то больше подходит, верно? – Она усмехнулась.

Инна сжалась в кресле.

– Сейчас мы возьмем по чашке кофе, – продолжала жена. – В одной из них яд. В какой – я не знаю. Честно не знаю. Вы не знаете тоже. Каждая отхлебнет, и...

– Но зачем? – потрясенная, пролепетала Инна.

– Все очень просто. Андрей встречается с вами уже два года. Значит, это у него серьезно... Человек он честный и меня никогда – я надеюсь! – сам не бросит. Но и вас не бросает. – Она вздохнула. – Значит, выбирать предстоит нам. Нам с вами. Делить вас с ним я больше не намерена... Поэтому кому-то из нас надо уйти. Я уходить не хочу. Да и не могу уйти. – Нина Дмитриевна усмехнулась. – Но и вы просто так, добровольно, от него не уйдете. Так ведь?

Инна молча кивнула. Она нервно сжимала платок в своей сумочке.

– Тогда пусть нас рассудит случай, – продолжила Нина Дмитриевна. – Давайте, пейте. – Она взмахнула своим пистолетом. – Или вы предпочитаете револьвер?.. Пейте-пейте... Считайте, что это дуэль...

Выстрел грянул неожиданно.

Пуля попала Нине Дмитриевне прямо в лоб.

Инвалидная коляска покачнулась. Ее отбросило назад. Безвольная рука задела столик. Загремела чашка. Разлился кофе.

Все было кончено.

Инна вытащила из сумочки руку с револьвером. Бок сумочки был пробит. «Хороший выстрел, если учесть, что я была вслепую, – похвалила себя Инна. – Придумала тоже, карга: русская рулетка! Я в такие игры не играю. У меня пистолет заряжен *всеми пулями!*»

* * *

Спустя десять минут Инна с объемистой сумкой через плечо уже сбегала по лестнице.

«Вы думаете, вы оба мне были нужны? – весело думала она. – Ты думал, Андрей, ты был мне нужен? Все эти твои подарки? Вся эта твоя любовь? Да ведь мне просто надо было попасть в твою квартиру, дурачок!»

* * *

Это преступление произошло семь лет назад, 23 июня 1993 года.

Тогда в квартире нефтяного магната Андрея Р. на Кутузовском проспекте была не только застрелена его супруга Нина Дмитриевна, но и похищена частная коллекция: полотно Рембрандта, семь эскизов Рубенса, два полотна Моне, эскизы Ренуара, три картины Левитана, ювелирные украшения работы Фаберже – всего на сумму около семи миллионов долларов.

Преступника до сих пор не нашли.

Ольга Володарская. К гадалке не ходи

Антонина поднесла ко рту фужер с шампанским и приготовилась сделать глоток, но тут по квартире разнесся такой громкий крик, что она поставила бокал на столик и выбежала в прихожую, чтобы узнать, кто кричал и почему.

Как и следовало ожидать, голосила маменька. Из трех присутствующих в помещении женщин только она могла издавать столь пронзительные звуки. Две остальные были слишком интеллигентны, чтобы орать в гостях. К тому же у одной из них был ларингит, и она могла только шептать. Тогда как маменька орала. И орала так, что остальные женщины зажимали уши ладонями, а находящиеся в некотором отдалении мужчины страдальчески морщились.

– Мама, прекрати! – попыталась урезонить ее Антонина. Но та голосить не перестала, зато сменила репертуар: если до этого она просто кричала «а-а-а», то теперь стала выдавать вразумительные слова:

– Укра-ал! Украл, гад!

– Что? – полюбопытствовали гости хором.

– Кто? – спросили мужчины и тоже в унисон.

– Бриллиант! – ответила маменька на первый вопрос, причем весьма пространно: – Фамильный бриллиант! Старинный. Чистейшей воды. Редкого цвета. Ценой в миллион долларов!

На самом деле она, как всегда, преувеличила. Бриллиант был изготовлен из алмаза, добытого на якутских приисках двадцать лет назад. В их же семье он появился и того позже: в конце девяностых. Купил его ныне покойный Тонин отец на «черном» рынке в подарок жене на золотую свадьбу. Стоил тот сравнительно недорого, поскольку был не очень чист: мало того, что сам был мутноват, так еще и попал на прилавок после какой-то темной истории. Но Тониного папу не смутило ни первое обстоятельство, ни второе, и он приобрел бриллиант, затем вставил его в золотую оправу и преподнес перстень любимой женочке. Та, естественно, пришла от подарка в неописуемый восторг, но носить не стала. Спрятала! От греха подальше. Но при этом стоило в их доме появиться новому гостю, как матушка доставала сокровище и хвасталась им, с каждым годом прибавляя к его стоимости десятки тысяч долларов.

И вот теперь он достиг цены в миллион!

– Мама, что ты несешь? – одернула ее Тоня. – Ему красная цена – тысяч сто пятьдесят, и не долларов, а рублей!

– А по-твоему, сто пятьдесят тысяч уже не деньги! – возмутилась та. – Не знала, что библиотекари у нас сейчас столько зарабатывают, что им сам Абрамович позавидует.

– Я получаю восемь тысяч рублей, и ты это знаешь, – парировала Тоня. – Но справедливости ради должна сказать, что миллион – это совсем не та сумма...

Договорить ей не удалось – матушка прервала. Она всегда это делала, поскольку считала дочкины рассуждения слишком занудными, чтобы выслушивать их до конца.

– Бриллиант, может, миллиона и не стоит, но твоему голодранцу и тысяча рублей – деньги! – громыхнула она и из прихожей ткнула перстом в сидящего в кухне Емельяна. – И как не стыдно ему грабить честных людей в светлый праздник Рождества Христова!

– Мама! – возмущенно вскричала Тоня. – Не смей обвинять Емельяна!

– А кого еще, как не его?

– Нас тут, между прочим, восемь человек.

– Ха! Нас, может, и восемь, но голодранец только один – твой кавалер!

– Я бы предпочел, – подал голос Емельян, – чтоб вы назвали меня бессребреником.

– Бессребреник, – передразнила его матушка. – Да ты уж безмедяник тогда! В твоих карманах нет ни копы!

Матушка нисколько не преувеличила. Емельян действительно был нищим. Иначе говоря, бомжом. Познакомилась с ним Антонина две недели назад, когда возвращалась домой с работы...

Трудилась она в одном не слишком преуспевающем НИИ библиотекарем. Приходила на службу к восьми, уходила в пять. Самой последней, так как была очень ответственным человеком и не могла покинуть свой «боевой пост», как большинство служащих, за полчаса до окончания рабочего дня.

Вдруг кому-то срочно понадобится книжка, а библиотека на замке?

И вот как-то вечером Тонечка шла по утоптанной тропке меж голых лип на автобусную остановку, чтобы вернуться домой. Шла не спеша, потому что торопиться ей было не к кому – у Тонечки не было ни мужа, ни ребенка, ни даже собаки. Раньше она жила с мамой, но легкомысленная Люся (так звали мать) выскочила замуж накануне шестидесятилетия. Вернее, собрав свои вещички, переехала жить к избраннику, заявив, что законный брак нынче не в моде и все продвинутые люди, к коим она себя относилась, предпочитают гражданский. И, главное, так скоро на него решилась, что Тоня не успела ничего с этим поделаться. Вроде матушка только своего кавалера ей представила, сказав, что познакомилась с ним вчера в трамвае, а уже через пару дней переехала к нему жить.

После ее отбытия в квартире долго витал запах душно-сладких духов и какого-то отвязного авантюризма, и этот симбиоз рождал в Тониной душе неведомую доселе жажду. Хотелось сделать что-то со своей жизнью, дабы избавиться от каждодневной монотонности. Но Тонечка, естественно, свои душевные порывы притушила и продолжила привычное существование: дом, работа, работа, дом, книги, телевизор, вышивание крестом и посещение отчетных концертов хора ветеранов, где маменька солировала.

Тоня была уже в том возрасте, который обозначается абстрактным определением «за тридцать». У нее было высшее образование, любимая работа и одна, но верная, а главное, такая же одинокая подруга Соня. Семьи, правда, не было, и это очень Антонину печалило.

О муже и детях Тоня мечтала с юности. Уже тогда она нарисовала себе идиллическую картину традиционного семейного ужина, должную олицетворять всю ее жизнь целиком: круглый стол под абажуром с кистями, на нем пузатый самовар, хохломские чашки, за столом – она, ее муж, почему-то с бородой и в полосатом халате, и детишки, количество которых варьировалось от двух до пяти в зависимости от настроения. Все радостные, краснощекие, с аппетитом уминающие Тонинустряпню, весело друг друга подкальывающие, позитивные и дружные. Она даже круглый стол купила и абажур (такие только на блошином рынке можно было найти, и она нашла). А также записалась на курсы вязания, чтоб носки супругу теплые вязать, а детям шарфики. В общем, подготовилась к замужеству, еще будучи студенткой, но годы шли, а свет заветного абажура лился только в ее воображении...

Дорожка сделала поворот. Тонечка повернула и увидела, что навстречу ей с ободранным бидоном без крышки идет какой-то человек в длиннополом пальто и кроличьей шапке. Ростом он был невелик, а пальто было пошито на мужчину рослого, поэтому его края чуть ли не волочились по снегу. Тонечка была близорука, поэтому не рассмотрела лица незнакомца. А вот куда он свернул – заметила. Мужчина в ушанке сошел с тропы и побрел по неглубоким пока сугробам к теплотрассе.

Тут Тоня все поняла! Ее единственная подружка, а по совместительству напарница Сонечка рассказывала, что неподалеку от их учреждения в траншее теплотрассы живет бомж. Причем живет неплохо, поскольку идущий от труб пар не дает ему замерзнуть. К тому же промышленная свалка, Мекка всех окрестных бездомных, находилась неподалеку.

Антонина прибавила шаг. Хотя Сонечка и говорила, что бомж-абориген существо мирное, лучше судьбу не испытывать. Мало ли что взбредет в его немытую голову? Тоня почти миновала опасную тропку, как заметила, что у самого ее начала на подтаявшем снегу валяется что-

то, отдаленно напоминающее кошелек. Да нет, точно кошелек! Это стало ясно, когда Антонина подобрала находку и рассмотрела. Черный кармашек с клепочкой, внутри которого хранили деньги деревенские бабушки брежневского периода. Когда Тоня потрясла его, оказалось, что в нем что-то звякает.

– Товарищ бомж! – крикнула Антонина и помахала в воздухе своей находкой. – Вернитесь, вы тут кое-что обронили!

Она подождала немного, ожидая ответа или хотя бы звука шагов, но тишину ничто не нарушило.

– Господин бомж! – сменила обращение Тоня, подумав, что тот мог обидеться на «товарища», нынче, как известно, все господа. – Вы кошелек потеряли!

На ее вопль откликнулась только сидящая на ветке ворона. Возмущенная тем, что ее покой бесцеремонно потревожен, она негодуя закаркала.

Тоня шикнула на нее и хотела уже бросить кошелек обратно в снег, но замерла в нерешительности. Совесть подсказывала ей, что нужно вернуть имущество владельцу – вдруг в кармашке с клепочкой его последние деньги, – но осторожность не давала сделать шага в сторону теплотрассы. Об особенностях сексуальной жизни бомжей Тоня даже не догадывалась, но почему-то считала, что каждый второй из них – маньяк, а коль так, то тот, кого она сейчас хочет облагодетельствовать, может напасть на нее, невинную, и...

«Нет, лучше об этом не думать! – одернула себя Тоня. – К тому же если на мою девичью честь за столько лет никто не покушался, то с какой стати это произойдет сегодня?»

И, успокоив себя этой мыслью, Антонина шагнула на тропу.

Преодолев несколько десятков метров, она увидела обмотанные серебристой изоляцией трубы. От них шел неприятно пахнущий пар, а откуда-то сбоку тянуло мясом и пряностями.

– Господин бомж, вы обронили портмоне! – зычно крикнула Тоня, остановившись возле картонного домика, выстроенного в траншее под трубой.

Дверь жилища (она же крышка от коробки из-под телевизора) отъехала в сторону, и на улицу, покряхтывая, вылез уже знакомый мужчина в пальто и ушанке.

– Возьмите, – сказала Тоня и протянула кошелек владельцу.

Бомж взял его, заглянул внутрь, после чего отшвырнул.

– Но там же деньги! – возмутилась Антонина. – Зачем вы?..

– Копейки, – ответил бомж на удивление приятным голосом. – К тому же советские, давно вышедшие из употребления.

– Ну так сам кошелек бы пожалели. Куда теперь будете деньги складывать?

– У меня еще есть. – И улыбнулся, да так мило, что Тоня залюбовалась.

«А ведь он интересный мужчина, – подумала она. – И не старый еще – лет сорок пять, сорок семь. И на алкаша не похож! Такого бы отмыть, отчистить... – Но Тоня не дала развернуться фантазии, устыдившись своих мыслей, она одернула себя: – Докатилась, Антонина Сергеевна! На бомжей начала заглядываться! Вот стыдоба...»

А новый знакомец тем временем отошел в сторонку, освобождая проход в свои картонные хоромы.

– Заходите, будьте гостьей.

Тоня хотела уйти, но почему-то не сделала этого, а благодарно склонила голову и шагнула в неизвестность.

Но ничего страшного не произошло. Тоня оказалась в жилище с земляным полом, предметы мебели в котором заменяли кирпичи и куски пенопласта.

– Присаживайтесь, – любезно предложил хозяин, указывая на один из четырех кирпичей. Два из них были составлены вместе, а два стояли отдельно. Тоня решила, что это стол и два табурета.

Она осторожно опустилась на кирпич. По ее габаритам больше подошел бы «стол», но плюхаться на него было просто неприлично.

Мужчина же, разворошив лежащую в углу кучу мусора, вытащил из нее полиэтиленовый пакет, в котором аккуратной стопочкой были собраны всевозможные кошельки.

– Видите, сколько их у меня!

– Вы что, карманник? – ужаснулась Тоня. Одно дело у бомжа гостевать, и совсем другое – у вора.

– Обижаете, я честный гражданин. Кошельки в урнах нахожу. Люди того рода занятий, к числу которых вы меня только что причислили, выбрасывают их, предварительно опорочив. Кстати, какой вам больше нравится?

– Я даже не знаю... Пожалуй вот этот, желтенький.

– Тогда примите его от меня в знак глубокой благодарности и безграничного восхищения.

– Нет, спасибо, не нужно, – отнекивалась Тоня, отпихивая от себя презент, чтобы не задохнуться – смердел он ужасно.

– Он пахнет, знаю, но это пройдет.

Антонина, устав сопротивляться, приняла подарок, решив выкинуть его у первой урны. Пусть другой романтик теплотрасс и подвалов порадует!

– Я сейчас угощу вас чудным ужином! – сообщил новый знакомец. – Надеюсь, вы любите чахохбили?

– Да, очень.

– Я тоже. И когда отдыхал в Сочи, узнал у повара грузинского ресторана фирменный рецепт. С тех пор готовлю.

– Вы бывали в Сочи?

– И не раз. Подождите минутку, я схожу за кастрюлей, она стоит на огне.

– А может, лучше поужинаем на воздухе? – предложила Тоня, которой было не очень комфортно сидеть на кирпиче, да и запах в «доме» стоял преотвратный. – Там не холодно...

– Как пожелаете... У меня за домом что-то вроде веранды. Вам там понравится!

То, что бомж назвал верандой, оказалось уставленным деревянными ящиками пятакком, над которым была натянута полиэтиленовая пленка. Пока Тоня усаживалась, бомж сбегал к костру и вернулся с закопченной кастрюлей в руках. Запах от нее исходил удивительный!

– Себе я наложу в миску, а вам дам одноразовую тарелку. У меня есть несколько штук.

– Надеюсь, вы нашли их не в урне?

– Нет... – Тоня облегченно выдохнула. – На свалке. – И, заметив, как вытянулось ее лицо, с улыбкой добавил: – Но вы не волнуйтесь, они в упаковке были. Некондиция.

Он разложил чахохбили по тарелкам. Выглядела курица очень аппетитно, а Тоня ужасно хотела есть, поэтому взяла небольшой кусочек и отправила его в рот.

– Ну как? – поинтересовался шеф-повар.

– Очень вкусно. Никогда не ела такую нежную курицу...

– А это и не курица.

– А что? Индейка?

– Голубь.

Тоня поперхнулась. А чтобы гостеприимный хозяин не увидел, как она выплевывает до конца не прожеванное мясо, она отвлекла его вопросом:

– По вашей речи я поняла, что вы не по жизни бродяга, ведь так?

– Так, – благодушно подтвердил он.

– У вас и работа, наверное, была?

– А как же! У всех была работа.

– И где вы работали?

– Да вот здесь.

- Где?
 - В том учреждении, где вы сейчас служите.
 - В нашем НИИ?
 - Совершенно верно. Я был старшим научным сотрудником лаборатории полимеров.
 - Так у вас что, и степень имеется?
 - Я кандидат химических наук, – с достоинством ответил он.
 - Поразительно! – Тоня и впрямь была удивлена. Вот ведь, что жизнь-злодейка с людьми проделывает! – А как вас зовут?
 - Емельян, – представился бомж.
 - А меня Антонина.
 - Тонюшка, очень рад! – Он взял ее маленькую, лишенную маникюра ладонь в свою не очень чистую лапищу и поцеловал. – Как вы относитесь к поэзии?
 - Прекрасно.
 - И кто ваш любимый автор?
 - Ахматова.
 - «И в тайную дружбу с высоким, как юный орел, темноглазым...» – начал декламировать Емельян.
 - «Я, словно в цветник предосенний, походкою легкой вошла», – подхватила Тоня.
 - «Там были последние розы...»
 - «И месяц прозрачный качался на серых, густых облаках...»
- Как только прозвучало последнее слово стихотворения, оба восхищенно выдохнули. С этого выдоха и началась их дружба.

* * *

Антонина заглядывала к своему новому другу каждый вечер. Когда шла на остановку, непременно сворачивала с тропы, чтобы хотя бы полчаса провести в приятном обществе Емельяна. Правда, не всегда ей это удавалось, а все из-за двух его приятелей-бомжей, обитавших в соседних траншеях, – Плевка и Хрыча. Эти мужики были не в пример Емельяну противными, тупыми, вечно пьяными, да и посматривали на Антонину уж очень глумливо.

Тридцать первого декабря она пришла в гости не с пустыми руками, а с подарком: томиком Ахматовой и килограммом марокканских мандаринов. Емельян тоже вручил ей презент: очередной кошелек и сомнительного вида коробку конфет. Обменявшись подарками, они выпили за Новый год (по стаканчику фанты), пожелали друг другу всего наилучшего и разошлись, договорившись встретиться десятого числа, когда Тоня выйдет на работу после рождественских каникул.

Новый год она справляла в компании Сонечки и ее кастрированного кота. К этому Тоне было не привыкать, поскольку даже тогда, когда она жила с матушкой, та все праздники отмечала в компаниях и Антонине ничего не оставалось, как либо звать к себе подружку, либо самой отправляться к ней. Но в любом случае барышни не задерживались за столом дольше чем до часу ночи. Тогда как маменька с ее подружками из хора ветеранов гуляли до утра, а потом все первое число отлеживались, ибо перебирали шампанского.

Шестого января Тоню разбудил телефонный звонок. Звонила матушка, чтоб пригласить дочь на торжественный рождественский ужин.

– В кои веки нормально поешь, – сказала она. – А то, поди, на бутербродах живешь...

– Нет, почему же? – надулась Тоня. – Я макароны варю. И гречку. – Про гречку она врала – не варила, а вот макароны – да. Но чаще, конечно, питалась всухомятку. – А еще я в столовой обедаю. Так что супы ем.

– Да бог с ней, с едой, – перебила ее нетерпеливая матушка. – Главное, что на ужине ты познакомишься с братьями Иннокентия, Львом и Эдуардом. Лев уже четырежды был женат, а Эдуард...

– Ни разу, – закончила за нее Тоня. – Ты, мама, про них уже рассказывала. Надеюсь, ты не прочишь одного из них мне в мужья?

– Ни один из них мне в зятя не годится! – успокоила дочь Люся. – Кстати говоря, если у тебя кто появился (хотя вряд ли!), можешь взять его с собой, а то все одна да одна...

И отсоединилась. А Тоня быстро оделась и поехала в промзону, где в траншее тепло-трассы жил единственный мужчина, который мог составить ей компанию.

* * *

Перед тем как отправиться в гости к матушке, Тоня провела с Емельяном работу. Во-первых, отправила в баню (в ванной, по ее мнению, отмыть его было невозможно), вывела ему вшей, сделала маникюр и прическу, привела в порядок бороду, а также сводила в комиссионку. В магазине, торгующем подержанными вещами, они смогли приобрести практически за копейки отличный костюм, рубаху и ботинки, а пальто ему отцовское подошло: двубортное с каракулевым воротником. Облачась в эти вещи, пусть не модные, зато почти новые и чистые, Емельян стал выглядеть очень презентабельно. А как ему шла эспаньолка! И зачесанные назад волосы! Тоня аж залюбовалась Емельяном, когда он из примерочной вышел. И плевать, что на него потрачена вся заначка, главное – она наконец-то отправится в гости под руку с кавалером. А то всегда одна да одна...

Когда процесс преображения бомжа в приличного мужчину был завершен, Тоня вызвала такси – шиковать так шиковать! – и они с Емельяном отправились к матушке.

Гостей было приглашено немного: кроме самих хозяев и Тони со спутником, всего четверо. Одной из них была подружка Антонины Сонечка (матушка из вежливости позвала ее, а та не отказалась), второй – приятельница самой Люси, Марианна Борисовна, руководительница хора ветеранов, и два младших брата хозяина, близнецы Лев и Эдуард. Они в свои пятьдесят два были холостяками, только Лев, как известно, ходил в загс четырежды, а Эдик ни разу.

– Доченька! – кудахтнула Люся, открыв перед Тоней дверь. – Как я рада! Ну, проходи, проходи... Ждем только тебя!

– Я не одна, мама, – немного смущенно, но не без гордости сказала Антонина.

– А с кем? Сонечка-то уже тут!

– С кавалером. – И посторонилась, давая матери рассмотреть стоящего за ее спиной Емельяна.

Люся, удивленно округлив глаза, уставилась на дочкиного спутника. В одно мгновение оценив его внешность, она осталась ею вполне довольна. Даже тот факт, что Емельян оказался ниже Тони чуть ли не на полголовы, ее не смутил – ей всегда нравились «компактные» мужчины, она считала их более темпераментными.

– Добрый вечер, молодой человек, – улыбнулась Емельяну матушка. – Милости прошу... – Но сначала протянула ему руку для поцелуя и только потом посторонилась. – Как вас величать, любезный?

– Емельяном. А вас, сударыня?

– Людмилой, – кокетливо протянула матушка. – И, умоляю, не спрашивайте, какое у меня отчество! Для всех я просто Люся!

– Неужели вы мама Тонечки?

– Совершенно верно...

– Подумать только! Вы выглядите как ее сестра!

– Мне все так говорят, – прожурчала Люся. – Но дело в том, что я родила Тонечку довольно рано...

На самом деле Люся произвела дочь на свет в обычном для деторождения возрасте – в двадцать четыре. Однако всем заявляла, что родила чуть ли не после школы, и от Тониного возраста обычно отнимала пяток лет. В итоге получалось, что ей нет еще и пятидесяти.

– Позвольте, Емельян, я познакомлю вас с остальными, – продолжала стрекотать Люся, взяв Тониного кавалера под руку и вводя в комнату, где был накрыт праздничный стол. – Мой супруг, Иннокентий, – начала представлять присутствующих матушка.

А пока она делала это, Тонечка, знакомая со всеми, стояла у зеркала, приводя себя в порядок. Висело оно напротив стола, и это позволяло следить за происходящим. А то вдруг Емельян допустит какую-нибудь оплошность, и придется спешить к нему на помощь. Но, оказалось, Тоня волновалась зря. Кавалер вел себя безупречно. Перед мужчинами вежливо склонял голову, а дамам целовал ручки. Его галантность была по достоинству оценена. Особенно Марианной. Когда Емельян припал губами к ее руке, она жеманно захихикала и подставила для поцелуя вторую. А вот Сонечка свою пятерню поспешно отдернула и вспыхнула как маков цвет.

Соня была старше Антонины – ей уже перевалило за сорок – и жила одна. Что никого не удивляло, в том числе саму Сонечку. С детства она считала себя дурнушкой и так глубоко погрязла в своих комплексах, что даже нечастые комплименты воспринимала как насмешку. Тоня сколько раз пыталась вытащить подругу на вечер «кому за тридцать», но та ни в какую не соглашалась. Из-за нее и Антонине приходилось в субботние вечера дома сидеть. Не идти же одной!

Тем временем матушка представила Емельяна близнецам, похожим друг на друга, как небо и земля (Лев был полным и кудрявым, Эдуард тощим, сутулым, с прической а-ля Лукашенко), и усадила по левую руку от себя. По правую восседал гражданский супруг Люси Иннокентий, отличающийся от обоих своих братьев. Он был худощав, но с животиком, с волосами редкими, но покрывающими весь череп, и если Лев с Эдуардом выглядели простачками, то Иннокентий – франтом. Брюки со стрелками, рубашка накрахмалена, в кармане пиджака платок в горошек, на шее – бабочка. А уж душился как! Такое ощущение, что зараз он вылил на себя полфлакона одеколona. Тоня, только приближаясь к нему, начала чихать. И это при том, что ее обоняние было закалено маменькиным убойным парфюмом!

– Итак, гости дорогие, милости прошу, угощайтесь! – церемонно промолвила матушка, широким жестом указывая на стол.

Гости дорогие незамедлительно схватили ложки и принялись накладывать себе в тарелки фирменные Люсины салаты.

Тоня могла сколько угодно критиковать свою мать, но вынуждена была признать, что готовила она превосходно. Не самая лучшая хозяйка, у которой на стульях грудями лежали вещи, а грязные чашки могли днями стоять возле кровати (Люся обожала пить чай в постели), умудрялась из простейших продуктов сотворить кулинарный шедевр. Этим, по всей видимости, она и зацепила Тониного отца, так как, сколько Тоня себя помнила, он всю жизнь ругал жену за беспорядок, но на другую женщину менять ее не собирался. А вот Антонина пошла не в мать. Она была аккуратисткой и отвратительной кулинаркой. Рис у нее всегда слипался, жареная картошка подгорала, капуста превращалась в месиво, а единственный салат, который ей удавался, был помидорно-огуречный.

Пока гости накладывали оливье, хозяин дома Иннокентий разливал по фужерам и стопкам спиртное. Дамам – шампанское. Мужчинам – водочку. Когда очередь дошла до Емельяна, тот накрыл свою стопку ладонью и сказал:

– Я воздержусь.

– Нет, друг мой, так не пойдет. За Рождество надо выпить!

- Я не пью.
- Совсем? – полюбопытствовал Иннокентий.
- Совсем.
- Закодированный, что ли?
- Ну почему же? Просто не вижу прелести в состоянии алкогольного опьянения. Предпочитаю мыслить здраво!
- От стопки не окосеешь!
- Возможно, но даже она лишит меня определенного количества клеток головного мозга. Вы знаете, что они отмирают, когда вы употребляете алкоголь? А потом выходят с мочой?
- Иннокентий, а больше его брат Лев, который, судя по лицу, любил к стопочке приложиться, открыли рты, чтобы опровергнуть эту теорию, но Люся не дала спору разгореться.
- Ах, какой вы, Емелюшка, молодец! – прочирикала она, покровительственно похлопав дочкиного кавалера по плечу. – Правильно делаете, что не употребляете. Это нам, девушкам, можно немного выпить, вы ж нас не за ум любите, а за красоту. А мужчина должен иметь высокий интеллектуальный уровень... – И очень к месту ввернула «разведывательный» вопрос: – Вот у вас какое образование?
- Высшее. Я кандидат химических наук.
- Матушка от радости чуть не свалилась со стула. А Тоня, боясь, что та продолжит расспросы, вскричала:
- Так что же мы ждем? Давайте выпьем! С Рождеством!
- Все радостно подхватили: «С Рождеством!» – и принялись чокаться.

* * *

Прошло два с половиной часа. За это время гости и хозяйева успели изрядно нагрузиться (за исключением, естественно, Емельяна). А также съесть все холодные закуски и просмотреть «Иронию судьбы», которую по разным каналам показывали в течение всех новогодних праздников. Перед тем как подать горячее, Люся решила развлечь гостей. И если другие затевали игру в фанты или включали караоке, то маменька вытаскивала из тайника, коим именовалась жестяная коробка из-под чая, свое сокровище и демонстрировала его присутствующим. И не беда, что половина из них его уже не раз видела, старалась она не для них и даже не для тех, кто еще не видел. Люся радовала саму себя. Ей так нравилось хвалиться своим бриллиантом и рассказывать его выдуманную историю (с годами увеличивалась не только его стоимость, но также росло количество легенд, связанных с ним), что матушка не могла отказать себе в удовольствии.

- Видите, как играет? – восхищалась она, подставляя камень под лампу. – А какой оттенок... Удивительный, правда? Ну просто как мои глаза...
- Тут Люся не врала. Бриллиант был действительно такого же цвета, как радужка ее глаз, – бледно-бледно-голубой. Насколько Тоня знала, это самый распространенный оттенок алмазов. Но разве с Люсей поспоришь?
- Стоит миллион, представляете?
- Миллион рублей? – ахнула Сонечка. Она и до этого видела бриллиант, но тогда матушка называла другую цифру, в несколько раз меньше озвученной.
- Долларов, милая, долларов!
- Да ты, Кеша, богатую невесту отхватил! – гоготнул Лев. А его брат-близнец рассудительно проговорил:
- Вы бы дома такую дорогую вещь не хранили, а то мало ли что...

– Ах, Эдик, перестань, – отмахнулась маменька. – Здесь же все свои! – Тут Люсе взбрела в голову новая идея, и она воскликнула: – А давайте гадать! Сейчас же самое время для этого! Пока мясо в духовке доходит, мы узнаем свою судьбу...

Против гадания возражать не стал никто, кроме Тони. Когда-то она увлекалась этим делом, кидала через плечо валенок, чтоб он указал направление, в котором живет будущий избранник, поутру спрашивала у первого прохожего имя, а перед тем как заснуть, приговаривала «суженый, ряженый, приходи ко мне наряженный». Но так как, несмотря на положительные результаты гаданий, суженый так и не появился, то Антонина разочаровалась в этой девичьей забаве и зареклась больше дурью не маяться.

Но разве можно противостоять Люсе?

– Итак, ребятки, – начала она, притащив в комнату таз с водой и несколько свечей, – сейчас мы будем гадать на будущее. Что каждого из нас ждет в новом году. Поджигайте свои свечки, а когда воск растопится, капайте в воду.

Все дружно стали поджигать свечи. Антонине тоже пришлось.

– Чур, я первая! – вскричала Люся и перевернула свечу. – Ну, кто что видит?

Тоня – овальную каплю расплавленного воска, покачивающуюся на воде. И больше ничего!

– Мама, это обычный овал, – констатировала факт Тоня. – Или, если хочешь, эллипс!

– Включи воображение, детка. На что может быть похож эллипс?

– На мяч, – подал голос Иннокентий. – Для регби.

– И что это значит?

– Замуж за спортсмена выйдешь, – прошептала Марианна и хихикнула, прикрыв рот сухонькой лапкой в сетчатой перчатке.

Иннокентий, услышав это предположение, сурово нахмурился, а Люся захлопала в ладоши.

Ей всегда нравились спортсмены. Когда-то по молодости к одному такому, футболисту, она даже чуть не ушла от Тониного папы. Ничего, кроме его имени Слава и рода занятий, она о нем не знала, но разве это имело значение?

– Кеша, давай теперь ты!

Люсин супруг вылил воск своей свечи в воду. Следом за ним то же самое проделали его братья. У всех троих вышло что-то невразумительное. Обладающая самой безудержной фантазией Сонечка увидела в трех одинаковых пятнах колесо, обручальное кольцо и глобус. Что означало: Иннокентий купит машину, Лев вновь женится, а Эдуард отправится в кругосветное путешествие. Все трое несказанно обрадовались Сониным предсказаниям, а Кеша особенно.

– Наконец-то сбудется моя мечта! – вскричал он. – Душенька, а вы, случайно, не видите, какой марки будет моя машина?

Сонечка присмотрелась к кусочку воска, в центре которого была круглая дырочка, и предположила:

– «Ауди». Похоже, это одно из четырех колец его эмблемы.

– Эх, жаль, – досадливо протянул Иннокентий. – Я так хотел «Бентли»...

– «Ауди» тоже неплохо, – успокоил его Лев. – Я б лично не возражал против «Q7».

– А мне «Аб» нравится, – встрял Эдик. – Благородная классика.

– Мальчишки, может, закроем автомобильную тему? – перебила братьев Люся. – Кроме вас, она никому не интересна. – И объявила торжественно: – А теперь пришла очередь Емельяна!

– Я пропущу вперед дам...

– Нет, пусть у девочек больше воска скопится... – И Люся постучала алым ногтем по краю тастика. – Выливай, Емеля, выливай!

Емельян послушно перевернул свечу.

– Ого! – восхитилась Люся, увидев, какую форму приобрел растопленный воск. – У Емельяна, кажется, тоже кольцо! Как и у Льва, только гораздо более отчетливое.

– Да, похоже, – согласилась с ней Тоня.

– Обручальное!

– Да нет, скорее перстень...

– Точно тебе говорю, обручальное! – И матушка незаметно ткнула дочь локтем в бок. – Сейчас же и с камушками допускаются...

– Совершенно верно, – поддакнула Марианна. Она подрабатывала в загсе старушечкой-веселушкой и считалась экспертом в брачных церемониях и во всем, что с ними связано. – А теперь моя очередь!

И она проворно выплеснула воск.

– Я вижу рог, – хмыкнула Марианна. – А вы?

– То же самое, – прозвучало единогласное мнение всех присутствующих.

– Но мне рога наставлять некому – я вдова!

– А если это рог изобилия? – предположила Соня.

– Тогда он был бы искривленным, а этот прямой, как у молодой козочки. Вернее, у его макушки утолщение, но это все детали, на тот рог изобилия, который обычно рисуют, мой не похож совсем...

– Какая же ты придира, – возмутилась Люся. – Радовалась бы, что тебе такое выпало...

– Порадуюсь я тогда, когда мне от Андрюши Малахова письмо придет, – просипела Марианна. Из-за ларингита говорить ей было трудно, но смолчать она не могла. – Я уже давно ему написала, попросила к себе в передачу пригласить, а он пока молчит...

– Надоела со своим Малаховым, – поджала губы Люся. Ей больше Иван Ургант нравился. – Пусть теперь Тоня капнет. Дочка, давай.

Антонина «дала»!

Люся, сощурившись, уставилась на образовавшееся восковое пятно. Тоне было ясно, что матушка хочет увидеть в нем тоже обручальное кольцо, но у нее ничего не выходит! У пятна не было правильной формы, больше всего оно напоминало обычную чернильную кляксу.

– Отдаленно на мужской профиль похоже, – сказала Сонечка.

– Да? – с сомнением протянула Люся. – А я что-то не вижу этого...

– Да вы приглядитесь! Вот нос!

– Какой огромный, – ужаснулась матушка.

– Кавказец, наверное, – хохотнул Иннокентий.

– Точно кавказец! – всплеснула руками Соня. – Вон у него и кепка-аэродром!

– Ты чего болтаешь? – накинулась на нее Люся. – Чтоб моя дочка с рыночным торговцем... Да никогда! И вообще... – Она ткнула пальцем в «кавказца», развернув его на сто восемьдесят градусов. – Это не кепка, а борода! – И так красноречиво посмотрела на Емельяна, что Тоня залилась румянцем. – А теперь давайте горячее поедим!

– Пойдите, а как же я? – вскричала Сонечка. – Мне-то еще не погадали!

– Ах да, про тебя-то мы забыли... – проворчала Люся, которая на самом деле ничего не забыла, просто «отомстила» за кавказца в кепке-аэродроме. – Ну, давай, капай уже, а то всем кушать хочется!

Сонечка аккуратно вылила воск в воду.

– Ерунда какая-то получилась, – пробормотала она после того, как воск принял грушевидную форму.

– На кучу дерьма похоже, – радостно возвестила Люся.

– Мама, как тебе не стыдно? – упрекнула ее Тоня. – Что ты такое говоришь?

– Что вижу, то и говорю, – насупилась та. – Соньке, значит, можно про носатых торгашей, а мне про дерьмо нельзя?

– Да это же денежный мешок! – воскликнул Иннокентий. – Посмотрите сами!

– На мешок похоже, – откликнулась его супруга. – Но с чего ты взял, что в нем деньги?

Может, там картошка?

– Люсенька, это же гадание на будущее. Какая картошка? – И, похлопав Соню по спинке, муж сказал: – Поздравляю, душенька! Похоже, вы скоро разбогатеете! Так что советую вам начать играть в «Русское лото».

На этой оптимистической ноте гадание было закончено. Все расселись по местам в ожидании Люсиного мяса.

* * *

Поев, гости разбрелись по квартире. За столом остались только мама с дочкой. Антонина хотела присоединиться к остальным, но Люся усадила ее на место и принялась чирикать:

– Емельян такой душка! Я в полном восторге от него. И умница, и галантный, и внешне очень даже...

– Да, он симпатичный, – согласилась с ней Тоня.

– А где вы познакомились?

– Около института.

– Он работает в твоём НИИ? – немного напряглась мать. Она знала, что научные сотрудники этого учреждения получали очень и очень скромную зарплату.

– Работал когда-то.

– А сейчас где?

– На вольных хлебах, – нисколько не погрешила против истины Тоня. А так как тема разговора была больно щекотливой, она решила ее сменить: – Мама, а чем ты мясо приправляла? У него был такой пикантный вкус...

– Ты мне зубы не заговаривай, – не дала увести разговор в сторону Люся. – Про мясо я тебе все расскажу, когда замуж выйдешь. Надо же будет Емельяна чем-то кормить...

– Мама, перестань!

– И не подумаю, – отрезала та. – Он тебе еще не сделал предложения?

– Нет.

– Почему?

– Но между нами ничего нет... Мы просто приятели.

– Только моя непутевая дочь может приятельствовать с приятным мужчиной в полном расцвете сил! Я бы на твоём месте давно его в постель затащила.

Антонина порывисто встала, чтобы уйти, но Люся рванула ее за руку.

– А ну, сядь! – приказала она. – Что за привычка убежать, когда мать с тобой разговаривает?

– Да ты не разговариваешь, а болтаешь глупости! И пошлости...

– В занятиях любовью никакой пошлости нет и быть не может!

– Хорошо, мама, как скажешь! – Тоня посчитала за лучшее согласиться. – А теперь можно я пойду? Руки помыть хочется...

Люся пропустила ее просьбу мимо ушей.

– А замуж не хочешь? – спросила она веско.

– Ты же знаешь, что я мечтаю о семье.

– Тогда иди не в ванную, а к Емельяну, бери его под руку и тащи...

– Сразу под венец? – усмехнулась Тоня.

– Сначала в постель, а то под венец он может сразу не согласиться.

– Мам, Емельян совсем не тот, кто мне нужен.

– Вот еще глупости! Это совершенно точно твой мужчина! С бородой, как и было предсказано. А не какой-то там рыночный торговец!

– Да уж лучше торговец, чем бомж.

– А бомжи-то тут при чем?

– Емельян – бомж. Он живет в траншее теплотрассы возле нашего НИИ, – выпалила Тоня и тут же пожалела об этом.

– Ты привела ко мне в дом бомжа? – вскипела Люся. – Да как ты посмела? А что, если у него чесотка или лишай?

– Нет у него ни того, ни другого.

– А вши?

– И вшей нет... Уже нет.

– Какой кошмар! Как тебе в голову взбрело с ним связаться?

– Он хороший человек. И очень интересный. Между прочим, он действительно кандидат наук.

– Да хоть доктор! Он бомж, отброс общества!

– Мама, нельзя быть такой категоричной. Мало ли какие обстоятельства привели его к подобной жизни. Сейчас такое время, что любой из нас может оказаться на обочине...

– Только не я.

– Хорошо, ты исключение, – согласилась Тоня. Она действительно не представляла себе, что может сломить Люсю. – Но не все такие сильные и, уж извини за откровенность, ушлые, как ты. Некоторых обманом выселяют из квартир. И что остается этим людям? Только бродяжничать...

– Это он тебе про квартиру напел?

– Нет, он ничего не говорил о том, что привело его к той жизни, которую он сейчас ведет. Наверное, ему неприятно об этом вспоминать...

Антонина замолчала. Но не потому, что ей нечего было добавить, просто мать перестала ее слушать. Она сидела с задумчивым видом и беззвучно шевелила губами. Наконец ее диалог с самой собой был закончен, и Тоня услышала:

– Знаешь, что я подумала, доча? А может, иметь мужа-торговца не так уж плохо?

И, похлопав Антонину по плечу, покинула комнату.

Когда матушка скрылась, плотно прикрыв за собой дверь, Тоня схватила бутылку шампанского, нацедила себе в фужер граммов двести и залпом их выпила. Это был неслыханный поступок, поскольку она практически никогда не пила. По праздникам только, да и то все торжество сидела с одним фужером, а тут, как заправский алкаш, хлопнула убойную для нее дозу. И мало того, что хлопнула, так и еще налила и приготовилась отправить вслед за первым, но тут по квартире разнесся громкий крик, и Тоне пришлось отставить хрустальный бокал и выбежать в прихожую, чтобы узнать, кто кричал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.